

Формы репрезентации авторского «я» в книге А. Цветкова «Эдем»

Бокарев Алексей Сергеевич

Студент Ярославского государственного педагогического университета имени

К.Д. Ушинского, Ярославль, Россия

Поэтические и прозаические тексты в «Эдеме» А. Цветкова хаотично перемежаются друг с другом. Почти всегда речь в них идет об одних и тех же событиях и явлениях, о которых, однако, говорится с разных точек зрения, иначе говоря – с двух разных позиций. Одна точка зрения принадлежит собственно лирическому «я» поэтических текстов, другая – безличному повествователю текстов прозаических. Субъект поэтической речи и герой прозаической части носят одинаковые имена, и не случайно, что в прозаических фрагментах повествователь именно безличный: за счет этого увеличивается дистанция, разделяющая две грани одной личности.

«Цветков как персонаж прозаической части книги». В прозаических фрагментах мы получаем сведения о биографии Цветкова: о его учебе в университетах, любовных приключениях, женитьбе, «мнимой» эмиграции. Однако в последующих текстах эта версия корректируется, расширяется и уточняется.

В «Сценарном варианте» описывается предательство, совершенное в отношении Цветкова Данченко и *история морального распада* [Цветков: 253] последнего, виной которому *безыдейная и пессимистическая поэзия Цветкова* [Цветков: 253]. Сам Данченко вскоре принимает нембутал и погибает, а в одном из стихотворений (*голодный глоток нембутала*) и в том же прозаическом фрагменте говорится о его *посмертном визите* к Наташке Сухобок. В связи с этим в книге возникает очевидная евангельская параллель, имеющая центральную сюжетобразующую функцию: *В итоге перед нами удивительный вариант евангелия. Заблудший апостол предаёт учителя и принимает, как положено, мученическую смерть от собственной руки. Учитель, находясь в отдаленном месте, избегает крестной муки, поэтому предопределенное воскресение минует прямого адресата и выпадает на долю раскаявшегося изменника* [Цветков: 254].

«Цветков как субъект поэтической речи». Поэтическая часть «Эдема» неоднородна. От стихотворения к стихотворению лирический герой меняется. В «Опыте онтологии и космографии» читаем следующее: *Такие понятия, как «отъезд», «Америка» и т. д. представляют собой любопытные, но далеко не безобидные формы эскапизма. В конечном счете, все это символы, если не синонимы, саморазрушения. Излишне напоминать, в какую «Америку» отправился Данченко* [Цветков: 257]. Исходя из этого, мы склонны считать, что лирический герой, изменяясь, проходит по пути саморазрушения. Это находит отражение на всех уровнях поэтического текста – от тематического до языкового.

Деграция лирического героя происходит в пространстве Эдема, которое мыслится им как пространство бездуховное, и в итоге возможность духовной жизни вовсе ставится под сомнение: *и существоваемость жизни внутри / недоверна и опровержима* [Цветков: 224]. В таких условиях неизбежно начинается деграция человеческого ума, которой не может избежать и лирический герой.

Таким образом, в Эдеме господствует *первобытный порядок жизни*, люди – только *соратники по биологическому виду*, и их взаимоотношения строятся как *шумное соревнование вредных видов*. Отсюда столь большое количество аналогий с жизнью природы. Чтобы выжить в *бездуховном тупике «Эдема»*, необходимо принять нормы и законы дикой природы. Лирического героя такой миропорядок вполне устраивает.

Бесполезным оказывается и поэтическое творчество. Поэтическая деятельность мыслится как обременяющая, но необходимая. Приходит понимание собственной неспособности реализоваться в поэзии: *но бронхами ли хвор перенапряг мозги ли / всласть начато да вытянуть слабо* [Цветков: 232]. Следствием этого становится тотальный отказ от творчества и «новая» жизнь без стихов в согласии с природой. Однако причины разочарования в поэтической деятельности и отказа от нее не только в

осознании бессилия собственного, но и бессилия языка самого по себе выразить сущность предмета в слове.

Постепенный распад личности лирического героя отражает и деградирующий язык, который также подвергается деструкции, в первую очередь, за счет введения аграмматизмов, авторских неологизмов и виртуозной работы с прецедентным текстом. Трансформации в поэтической речи «Эдема» подвергаются даже фразеологические обороты – пласт языка, наиболее укорененный в сознании носителя, поэтому его разложение и деформация суть тождества распада языковой личности и поэтического сознания лирического героя, словами Цветкова – *фантом увядающего ума*.

Итак, лирический герой на протяжении всей книги меняется. Деградация, протекающая в бездуховном пространстве, направлена в сторону духовного и физического саморазрушения, естественный итог которого – смерть. Но поскольку смерть физическая и духовная, понимаемая как совоплощение с природой, сама по себе лишается своих губительных свойств, основной экзистенциальный вред переносится на долю эмиграции, мыслимой как инобытие.

Те же изменения происходят и с языком книги. Вполне традиционный в начале, он на протяжении книги подвергается деструкции за счет введения различного рода неологизмов, аграмматизмов, разрушения фразеологических оборотов. Итогом этого процесса становится деформация его единиц до неузнаваемости (стихотворение *из-на щемер словесной чаще*) и преобразование его в язык английский (автоперевод стихотворения «Оскудевает времени руда...»), своеобразная «эмиграция» в чужой язык. Однако все эти процессы не окончательны и склонны к постоянным повторениям в циклическом времени Эдема.

Литература

Цветков А.П. Дивно молвить. СПб., 2001.